

А
Страхов Н. Н.

Преступление и наказание.

Роман в шести частях с эпилогом. Ф. М. Достоевского.

Издание исправленное. Два тома.

Петербург. 1867

Страхов Н. Н. Литературная критика / Вступит. статья, составл. Н. Н. Скатова, примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова.-- М.: Современник, 1984.-- (Б-ка "Любителям российской словесности").

[OCR Бычков М. Н.](#)

Один "критик"¹ -- так обыкновенно пишут в газетах, желающих сохранить вполне приличный литературный тон, откуда следует, что ради благопристойности нам должно признать существование у нас великого множества критиков, -- итак, один критик сказал о романе г. Достоевского следующее:

"Уничтожьте только тот оригинальный мотив убийства, в силу которого Раскольников видит в убийстве не гнусное преступление, а "поправление" и "направление" природы, некоторым образом подвиг; мало того; сделайте такой взгляд на убийство только личным, индивидуальным убеждением одного Раскольникова, а не общим убеждением целой студентской корпорации, всякий интерес в романе г. Достоевского немедленно пропадет. Это ясно показывает, что основу романа г. Достоевского составляет предположенное им или принятое за данный факт -- существующее в студентской корпорации покушение на убийство с грабежом, существующее в качестве принципа".

Затем критик довольно хладнокровно предается некоторой горячности:

"Какою, -- говорит он, -- разумною целью может быть оправдано изображение молодого юноши, студента, в качестве убийцы, мотивирование этого убийства научными убеждениями и, наконец, распространение этих убеждений на целую студентскую корпорацию".

Эта критика напечатана, и слова, которые мы привели, имеют совершенно ясный смысл. В романе г. Достоевского, сказано, целая студентская корпорация обвиняется в том, что она исповедует как принцип невинность убийства с грабежом, даже в том, что в ней существует уже самое покушение на такое убийство.

Первая мысль, которая может прийти здесь в голову разумному читателю, конечно, будет та, что все это нелепость, на которую не стоит обращать никакого внимания. Разве можно обвинять всех студентов поголовно не только в покушении на убийство, а в чем бы то ни было? Нужно вовсе лишиться здравого смысла, для того чтобы сделать такое нелепое обвинение. И далее -- если бы кто и сделал подобное обвинение, то разве оно могло бы иметь хотя малейшее значение. Разве обратил бы на него внимание хоть единый студент? О подобной глупости не стоило бы вовсе и говорить.

Клевета на студентов была бы ужасная, если бы только она была возможна. Клевета на г. Достоевского была бы тоже ужасная, если бы и она была возможна. И выходит -- все вздор, не стоящий внимания.

К сожалению, дело так просто не развязывается. Критик, мнение которого мы привели, вероятно, высказал свою искреннюю мысль. Если же он говорил неискренно, то говорил для тех, которые могут искренно питать подобные мысли. Только нет сомнения, что у нас найдется множество людей, которые или поверят критику, или сами доберутся до подобного взгляда на дело. Нет такой нелепости, которая не нашла бы себе защитников вопреки всякой очевидности. У нас же -- мы должны это помнить -- тьма, глубокая тьма царит над умами; у нас нет для суждений твердых, ясных точек опоры; мы до сих пор не умеем понимать широко и тонко и потому все перетолковываем, все прикидываем на узкие мерки кой-каких понятий, нахватанных нами из хаоса чужих мнений. Можно бы привести немало примеров нелепейших обвинений, которые основывались на недоразумениях или даже на прямой клевете и, однако, имели большой ход в нашей читающей публике.

В суждении же нашего критика для многих и не найдется ничего особенно нелепого. Положим, нам скажут, что кто-нибудь ретроград, враг молодого поколения, враг науки и просвещения; что же. Ведь у нас такие люди есть, хотя бы и в малом количестве; а главное, у нас есть множество людей, которые считаются такими, о которых составилось и незыблемо утвердилось такое противоестественное понятие.